

УДК 111+164.08+164.3
DOI 10.15372/PS20230412
EDN ICXPJQ

Л.Д. Ламберов

**ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ:
ОБЗОР КНИГИ НИКОЛАСА РЕШЕРА «EPISTEMOLOGY:
AN INTRODUCTION TO THE THEORY OF KNOWLEDGE»**

Статья представляет собой обзор книги Николаса Решера «Epistemology: An Introduction to the Theory of Knowledge» и содержит краткое изложение основных идей.

Ключевые слова: Решер; эпистемология; знание; прагматизм; истина; скептицизм; экономическая выгода

L.D. Lamberov

**KNOWLEDGE ECONOMY:
REVIEW OF NICHOLAS RESCHER'S "EPISTEMOLOGY:
AN INTRODUCTION TO THE THEORY OF KNOWLEDGE"**

The article provides a review of the book "Epistemology: An Introduction to the Theory of Knowledge" by Nicholas Rescher and contains a summary of the main ideas of each chapter.

Keywords: Rescher; epistemology; knowledge; pragmatism; truth; skepticism; economic benefit

Книга Николаса Решера «Epistemology: An Introduction to the Theory of Knowledge» («Эпистемология: введение в теорию познания») [2] представляет собой доступное введение в эпистемологию и систематическое изложение эпистемологических концепций, разрабатываемых автором на протяжении нескольких десятилетий. Она обобщает многолетние разработки Н. Решера в области эпистемологии, но при этом не содержит материала «продвинутого» уровня, что вполне позволяет использовать ее в качестве пособия для первого знакомства с эпистемологией.

© Ламберов Л.Д., 2023

Идеи, представленные в рассматриваемой книге, по отдельности и с большими подробностями можно найти в многочисленных более ранних публикациях Н. Решера. В особенности – в его книгах «Когерентная теория знания» (1973 г.) [6], «Методологический прагматизм: системно-теоретический подход к теории знания» (1977 г.) [3], «Научный прогресс: философское исследование экономики исследования в естественных науках» (1978 г.) [5], «Границы науки» (1984 г.) [7], «Рациональность: философское исследование о природе и основаниях разума» (1988 г.) [4], «Когнитивная экономия: экономический взгляд на теорию познания» (1989 г.) [1] и др.

Книга содержит 424 страницы и разделена на четыре части: «Знание и его проблемы» (шесть глав), «Рациональное исследование и поиск истины» (пять глав), «Когнитивный процесс» (четыре главы), «Когнитивные границы и поиск истины» (четыре главы). Всего в книге 18 относительно коротких глав, они содержательно связаны друг с другом, а переходы между ними представляются вполне плавными. В книге имеется указатель имен, однако указатель терминов в ней отсутствует. Примечания вынесены в конец книги, что делает несколько неудобным внимательное чтение, но облегчает беглое ознакомление с ее содержанием.

1.

В первой части книги Н. Решер отмечает, что эпистемология представляет собой теорию, объясняющую понятие знания, и она должна соответствовать интуициям, выраженным в естественном языке. Другими словами, у нас имеются некоторые дотеоретические представления о том, что такое знание, которые соответствуют употреблению таких слов, как «знание», «знать» и проч. Базовая концепция знания состоит в его отождествлении с истинным и обоснованным убеждением. Естественно, такое понимание подвержено критике, а потому требует уточнения. Для обладания знанием в традиционном смысле требуется обладать соответствующим достаточно сильным обоснованием. Однако для Н. Решера более важным является «принцип практической процедуры», по большей части в любой ситуации понятие знания и понятие истинного и обоснованного убеждения вполне совпадают, исключения же касаются ненормальных ситуаций. Далее Н. Решер вводит представление о различных видах знания (оккурентное, диспозиционное, инференциальное и т.д.), но говорит, что его в первую очередь бу-

дуг интересовать пропозициональное знание (т.е. знание истин) и его связь с практикой. Роль базовых интуиций относительно понятия знания играют принципы истинности (знание есть знание истин), когерентности (разные знания одного и того же агента совместимы друг с другом), конъюнктивности (знание конъюнкции предполагает знание конъюнктов) и рефлексивности (знание того, что кто-то что-то знает, предполагает знание этого чего-то).

Безусловно, не все, что претендует на статус знания, является знанием. В частности, история науки предоставляет хорошую иллюстрацию этого положения. Такой метаподход к знанию (знание о знании) тоже является частью эпистемологии и обосновывает фаллибилизм. Мы вынуждены признать, что в том, что мы считаем знанием, имеются «скрытые» ошибки. Это приводит нас к тому, что Н. Решер называет парадоксом предисловия. Парадокс предисловия сводится к ответу на вопрос о том, почему мы не можем исправить ошибки, если знаем, что они есть. Мы не можем исправить ошибки, так как не знаем, что конкретно является ошибкой. Другая известная проблема, возникающая при эпистемологическом исследовании, – это диаллель*. Последнее предполагает, что нечто может считаться истинным, если у нас имеется соответствующее обоснование, но обоснование само требует соответствующего обоснования и т.д. Из различных способов разрешить указанные проблемы Н. Решер выбирает наиболее эффективный (в плане издержек и выгод) – признание фаллибилизма и принятие того, что наши претензии на знание являются лишь наилучшими из доступных нам приближений к истине.

Это естественным образом приводит к скептицизму. Однако, говорит Н. Решер, нас в первую очередь интересует не категорическая, а практическая достоверность. В обычной жизни мы обходимся без абсолютного знания, нам вполне достаточно некоторого приближения, а ошибки не являются настолько серьезными, что могут подорвать все наше здание науки и обыденного знания. Скептицизм возникает из нежелания принимать когнитивные риски, однако он экономически нерационален. Требование обоснования для всякого положения представляется сопряженным со слишком большими

* От латинского и древнегреческого термина, обозначающего эпистемический регресс, когда положение обосновывается другим положением, которое обосновывается третьим положением, которое обосновывается четвертым и т. д.

затратами. Более того, при серьезном и последовательном принятии (радикальной) скептической позиции исследование (познание) мира вообще не может начаться. Безусловно, субъективный опыт и объективное положение дел всегда разделены непреодолимой пропастью. Переход от субъективных описаний своего опыта к утверждениям об объективном положении дел требует *прагматического* обоснования. Люди являются биологическими существами, которые стали успешны в эволюционном плане благодаря познанию мира. Наши предки были вынуждены познавать мир, чтобы выжить, а успешность познания определила наше существование. Поскольку познавательный процесс должен начинаться с чего-то, а никаких изначальных (врожденных) знаний в *явном* виде у нас нет, мы можем опираться лишь на презумпции.

Под презумпцией Н. Решер понимает тезис, принимаемый временно для заполнения эпистемического пробела. В эпистемическом смысле презумпция аналогична презумпции в юридическом смысле: она принимается до тех пор, пока не доказано обратное. Однако не всякий тезис может быть принят в качестве презумпции, на такой статус претендуют наиболее правдоподобные тезисы. Правдоподобие тезиса может определяться различными факторами, которые Н. Решер разделяет на три группы: 1) авторитетность источника; 2) степень подтверждения; 3) индуктивная систематизация. В последнюю группу входят такие методологические принципы абдуктивных рассуждений, как простота, регулярность, единообразие и т.д. Помимо прочего, презумпции используются для ответа на скептические сомнения, поскольку принятие презумпции позволяет перенести бремя доказательства на оппонента (в данном случае – на скептика). Презумпции необходимы с экономической точки зрения, так как требовать абсолютного обоснования для каждого принимаемого тезиса не только затратно в плане когнитивных ресурсов, но и невозможно (познание просто не может начаться). Первая группа факторов, определяющих правдоподобие, касается авторитетности (или надежности) источника. Сюда входят доверие к показаниям наших собственных органов чувств, а также доверие к другим эпистемическим агентам. В связи с этим Н. Решер отмечает, что мы не просто вынуждены доверять другим эпистемическим агентам (например, экспертам), а это для нас экономически выгодно. Последнее позволяет говорить об объединении когнитивных усилий и организации сообщества с целью обмена знаниями и их дальней-

шего развития. С точки зрения Н. Решера, такой подход является прагматически (экономически) успешным (а потому оправданным) и имеет социальные преимущества перед подходом, когда агенты скрывают знание друг от друга.

2.

Во второй части книги Н. Решер обращается к вопросам критериев истинности, контекстуализма, релятивизма, прагматического обоснования и рациональности. Он выделяет два принципиально важных подхода к вопросу о критериях знания (две «модели знания»): фундаментализм и когерентизм. Первый подход предполагает, что имеется некоторый привилегированный набор истин, служащих основанием для всего здания человеческого знания. Второй же подход подразумевает большую роль когерентности, взаимосвязи между истинами. Если наше познание начинается с опыта, то в рамках первого подхода данные опыта представляются непосредственно очевидными базовыми истинами, а в рамках второго – сырыми данными, претендентами на истинность, которая затем устанавливается через когерентность с другими кандидатами на статус истин. Сам Н. Решер склоняется к когерентизму, выдвигая против фундаментализма несколько возражений: 1) невозможность или экономическая нецелесообразность пересмотра базовых истин; 2) необходимость объяснения различия между базовыми и производными истинами; 3) провал между описанием субъективного опыта и объективными фактами, который затрудняет пересмотр базовых истин; 4) неудобный выбор между информативностью производных истин и их абсолютной достоверностью.

Автор описывает процесс получения и развития знания в рамках когерентистского подхода следующим образом. Для начала у нас имеется набор «сырых данных», источником которых служат, в частности, органы чувств, память и т.д. Эти «сырые данные» классифицируются по источникам их появления, получают приоритеты, определяющие их правдоподобность, становятся презумпциями. В любом наборе изначальных «сырых данных», по мнению Н. Решера, можно найти противоречие. Когда таковое обнаруживается, мы отбрасываем наименее приоритетные пропозиции (наименее правдоподобные). Например, если мы больше доверяем зрению, чем слуху, то пропозиции, источником которых являются органы зрения, будут иметь больший приоритет и будут сохранены при обна-

ружении противоречия между ними и пропозициями, полученными с помощью слуха. Далее мы пытаемся установить отношение когеренции внутри имеющегося набора презумпций, а также подвергаем этот набор теоретическому и прагматическому рассмотрению. Теоретическое рассмотрение предполагает обращение к методологическим принципам (простота, объяснительная сила, возможность и степень математизации и др.), а прагматическое рассмотрение подразумевает использование и реализацию сформированного когерентного набора в практической деятельности. Это приводит к обнаружению возможностей по совершенствованию когерентного набора, к дополнению его новыми «сырыми данными» и т.д. Таким образом происходят накопление и развитие знания, которое, как признает автор, никогда не достигает идеала полной истины. Другими словами, когеренция выполняет функцию (погрешимого) критерия истинности, а истина совпадает с идеальной когеренцией, имеющей место в ситуации, когда нам известны абсолютно все «сырые данные» (подобно идеалу научного исследования по Ч.С. Пирсу). Понятие истины играет, таким образом, роль регулятива и когнитивной ценности, к которой следует стремиться. Описанные этапы когнитивного процесса, а также различие когеренции в рамках актуального исследования и истины как идеальной когеренции, согласно Н. Решеру, позволяют избежать известного возражения против когерентной теории, состоящего в том, что можно сформировать несколько в равной степени когерентных наборов пропозиций, которые будут противоречить друг другу и не будут иметь ничего общего с истиной.

Казалось бы, такая позиция должна приводить к релятивизму, одной из ключевых особенностей которого, по мнению Н. Решеру, является эгалитаризм. Эгалитаристский релятивизм предполагает, что все существующие альтернативы равноценны, верны в равной степени и т.д. Согласно Н. Решеру, эгалитаристский релятивизм приводит в конечном счете к индифференциализму, в соответствии с которым нет никакой разницы в том, какую позицию поддерживать. Однако такая точка зрения является ущербной. Да, мы признаем, что другие люди (группы, культуры) имеют другие убеждения и по-другому объясняют мир, однако это вовсе не означает, что все эти объяснения равнозначны в каком-либо смысле. Дело в том, что каждый человек имеет приоритетный доступ к обоснованию своих убеждений и знает об этом больше, чем кто-либо другой. Более то-

го, каждый человек имеет привилегированный доступ к своему личному опыту, исходя из которого выстраивает собственное объяснение окружающего мира. Да, представления об окружающем мире и даже рациональность зависят от контекста, они могут изменяться при изменении контекста и обстоятельств, но приоритетом всегда являются наши собственные убеждения и стандарты рациональности. Невозможно рассматривать альтернативы как равнозначные, так как наша точка зрения имеет неоспоримый приоритет. При этом мы вполне в состоянии допускать, что можем ошибаться, однако другие могут убедить нас в своей правоте только в соответствии с *нашими* стандартами рациональности. Релятивист, объявляя все альтернативы равнозначными, «теряет» свою собственную позицию, и если его цель состоит в том, чтобы убедить в правильности своей позиции остальных, то он вынужден принять общие стандарты рациональности и действовать в соответствии с ними. Другими словами, позиция релятивиста никогда не является последовательной. Кроме того, формирование объяснения окружающего мира представляет собой целенаправленную деятельность по приближению к наилучшему объяснению (как с практической, так и с ценностной и когнитивной точек зрения), а это предполагает, что альтернативы, которые хуже способны приближению к данной цели, становятся менее приоритетными. В конце концов, идеальную истину как цель познания мира никто не отменял.

Еще одно возражение относительно возможности познания мира, которое стремится опровергнуть Н. Решер, состоит в том, что если мир существует независимо от познающих агентов, а понятия, идеи и другие когнитивные инструменты созданы человеком, то последние не могут применяться к миру и давать знание. Однако автор указывает на то, что рациональность является коллективным регулятивом и вместе с понятием коммуникации приводит к понятию объективности. При этом объективность предполагает именно независимость от познающих агентов, а не какую-то абсолютную и непреложную истину. Так, можно дерево называть медью, но свойства дерева от этого не изменятся. Для того чтобы решать встающие перед нами проблемы, выживать и эффективно действовать, мы вынуждены обращаться к рациональности и объективности как ее следствию. В противном случае эффективность как в теоретической, так и в практической сфере оказывается недостижимой. Мы выбираем наилучшее из имеющихся в любой данный момент

альтернативных объяснений мира, а в контексте эффективности это может быть только объективная альтернатива. Необходимо отметить, что рациональность понимается Н. Решером в нормативно-оценочном смысле, а не в дескриптивно-фактическом, что позволяет ему дополнить аргумент Р. Брэндома о социально-практическом подходе к определению хороших мотивов для принятия некоторого убеждения в качестве истинного.

Однако следование принципам рациональности не всегда гарантирует успех, так как наше знание несовершенно и мы можем чего-то не знать. Идеальная рациональность, гарантирующая истину, возможна лишь в случае, когда нам известно абсолютно все. Это недостижимая ситуация, к которой мы можем лишь стремиться. Зачем же тогда нам вообще быть рациональными? Соответственно, Н. Решер стремится ответить на возражения скептика по поводу того, что необходимо следовать принципу рациональности. Если скептик хочет, чтобы мы его убедили в том, что следовать рациональности – это хорошо, то он уже следует рациональности, так как требует от нас какого-то обоснования. Следование рациональности, по мнению Н. Решера, является важным фактором создания и поддержания сообщества. Рациональность делает когнитивных агентов предсказуемыми для тех, кто придерживается тех же принципов рациональности. Таким образом, без рациональности невозможно никакое сообщество. Можно ли при этом говорить, что у разных сообществ разные принципы рациональности? На этот вопрос Н. Решер отвечает отрицательно, отвергая рассуждения некоторых антропологов и замечая, что о рациональности мы судим, исходя из *наших* представлений о рациональности, и мы не можем даже временно принять другие принципы вместо своих, а ключевым принципом рациональности, по его мнению, является выбор наилучшего представления. Наша рациональность всегда для нас наилучшая, так как именно она дает нам наилучшие принципы с точки зрения наших же принципов рациональности. Другими словами, рациональность обосновывается рациональностью и другого обоснования у нее нет: придерживаться рациональности является рациональным. Однако это не порочный круг. Данное рассуждение Н. Решера напоминает ситуацию из теории вероятности, когда следование некоторому групповому принципу не увеличивает шансы отдельного индивида на получение правильного ответа или какого-либо блага, однако увеличивает шансы всей группы.

3.

Итак, мы собираем данные об окружающем мире и на их основе строим наши теоретические представления. Наилучшим образом это происходит в рамках естественных наук, которые и являются предметом дальнейшего обсуждения. Однако такое теоретическое знание существенным образом определяется технологиями: создание новых инструментов и приборов открывает перед нами новые возможности более точного измерения и проникновения в области природы, недоступные человеческим органам чувств. Соответственно, между теоретическим знанием и знанием практическим (технологическим) постоянно происходит взаимный обмен: развитие теории приводит к созданию новых технологий, которые приводят к пересмотру теории, которая приводит к созданию новых технологий и т.д. Научный прогресс предполагает постоянное развитие технологий, только благодаря последнему мы можем получать данные для дальнейшего развития наших теорий. Научная революция происходит при получении новых данных наблюдения, которые не были учтены в текущей научной теории. Таким образом, ключевым фактором в возникновении научных революций является практическое (технологическое) знание. Потенциально (в теоретическом плане) научный прогресс неостановим, а череда научных революций не прекратится.

Накопление данных наблюдения определяет то, какие научные теории создаются, рост знания предполагает его усложнение. Последнее означает и усложнение практики получения новых данных наблюдения. История науки демонстрирует увеличение числа ученых, увеличение степени их специализации (соответственно, увеличение затрат на подготовку новых ученых), увеличение стоимости инструментов, приборов и экспериментов. Рост стоимости научных исследований (в первую очередь Н. Решер имеет в виду накопление данных наблюдения) является экспоненциальным. Автор задается вопросом, каким образом теоретический уровень связан с уровнем данных наблюдения, и вводит понятия знания и информации. Если упрощать, то под информацией Н. Решер подразумевает любые сведения о некотором объекте или описание ситуации, а под знанием – информацию, релевантную для нас. Например, пешеход стоит на перекрестке, на котором установлены только светофоры, имеющие три цвета: красный, желтый и зеленый. Допустим, на светофоре го-

рит желтый свет. Наш пешеход не видит, какой свет горит в данный момент, и спрашивает об этом у стоящего рядом пешехода. Тот отвечает: «Сейчас горит не красный». Это информация, и она является верной, но для нашего пешехода она не сильно важна, так как не удовлетворяет его запрос: он не знает, горит ли сейчас желтый (переходить дорогу может быть небезопасно) или зеленый (переходить безопасно). Любые данные наблюдения являются информацией, но для знания не всякая информация релевантна. Н. Решер выводит закон логарифмической прибыли, согласно которому количество знания растет логарифмически при линейном росте данных наблюдения. Он приходит к выводу, что хотя в теоретическом плане пределов научному прогрессу нет, такие пределы имеются в практическом (технологическом и экономическом) плане. В будущем, по его мнению, возможна ситуация, когда научные исследования станут требовать таких громадных финансовых, временных и прочих вложений, что человечество решит отказаться от дальнейшего развития науки.

Целью науки является достижение ряда целей. Эти цели могут быть разделены на (1) теоретические и практические, (2) когнитивные и манипулятивные. Между целями (1) и (2) имеются частичные пересечения. Наука дает описание и объяснение изучаемых феноменов, что составляет ее теоретическую цель. Кроме того, наука позволяет предсказывать явления и контролировать их – это практическая цель. Описание, объяснение и предсказание относятся к когнитивным целям, а контроль – к манипулятивным. Идеальная наука, по мнению Н. Решера, должна обладать: 1) эротической полнотой (должна отвечать на все релевантные вопросы); 2) предсказательной полнотой (должна точно предсказывать релевантные события); 3) прагматической полнотой (должна давать когнитивные средства для того, чтобы в текущих обстоятельствах мы могли совершать релевантные действия); 4) временной завершенностью (дальнейшие изменения науки должны быть невозможны). Автор последовательно рассматривает эти характеристики идеальной науки и указывает, что либо они недостижимы, либо мы неспособны определить, что та или иная характеристика имеется у науки на некоторой данной стадии. Другими словами, идеальная наука мыслится Н. Решером (в отличие от Ч.С. Пирса) как недостижимая. Последнее, правда, не означает, что следует отказаться от концепции идеальной науки, так как она все равно может служить идеалом,

к которому надо стремиться (подобно идеальному моральному поведению у И. Канта). Также это не означает, что мы не можем говорить о прогрессе науки. Хотя мы не можем утверждать, что приблизились в какой-то момент к идеальной науке, мы все же способны определить, что наша современная наука лучше, чем наука прошлого. Это видно по тому, каким образом мы используем научные знания для выживания и улучшения условий жизни. Очевидно, что современная доказательная медицина справляется с заболеваниями намного лучше, например, древнегреческой медицины, а технологии перемещения в пространстве стали более эффективными. А поскольку эти изменения являются следствиями развития научного знания, можно говорить, что прогресс в науке имеет место.

4.

Каковы же условия того, что природа вообще познаваема? Этот вопрос обсуждается Н. Решером применительно к физике, а более конкретно – к той части математики, которая имеет приложения в физике. Его точка зрения по этому вопросу основывается на принципах эволюции и предполагает наличие двух сторон: «нашей» и стороны природы. Мы являемся рациональными существами, и мы наблюдаем регулярности в природе. То есть природа, для того чтобы в ней в ходе эволюции появились рациональные существа, должна быть достаточно простой и регулярной – подверженной математическому описанию. Рациональность помогла выжить нашим предкам и сделала их успешными в эволюционном плане, а развитие рациональности привело в конечном счете к появлению математизированного естествознания. Кроме того, природа должна быть толерантной к интеллектуальным ошибкам рациональных существ. Из истории науки мы знаем, что наши даже самые лучшие *текущие* научные теории в перспективе будут отброшены как ошибочные, мы постоянно совершаем ошибки на пути научного прогресса из-за недостаточности данных наблюдения для полного описания природы, но природа должна быть при этом такой, чтобы даже ошибочные научные теории в некоторый момент времени «работали» на практике и не приводили к исчезновению рациональных существ.

Наука, как полагает Н. Решер, по своей сути определяется: 1) биологическими способностями (набором и характеристиками органов чувств); 2) культурным наследием (приоритетом предметов исследования); 3) экологической нишей (прагматической полезно-

стью в определенном наборе типичных жизненных ситуаций). Таким образом, не только содержание науки в смысле конкретных научных теорий должно различаться у разных живых существ (различия в содержании науки можно обнаружить в истории в разные времена и у разных культур), но должно различаться и само понимание того, что такое наука. Аргумент «один мир → одна наука», таким образом, отбрасывается Н. Решером как несостоятельный. Кроме того, против этого аргумента у него имеются «количественные» возражения: используя расчеты астробиологов и дополняя их собственными соображениями по поводу факторов, влияющих на развитие науки в том виде, как она понимается на нашей планете, Н. Решер приходит к выводу, что количество планетарных цивилизаций, имеющих науку «земного типа», во всей наблюдаемой Вселенной стремится к единице. Этот тезис наилучшим образом выражается с помощью заголовка соответствующей главы из книги: «Человеческая наука как характерно человеческий [феномен]». Соответственно, говорить о том, что какая-то иная (инопланетная) цивилизация является более или менее продвинутой в научном плане по сравнению с нами, просто бессмысленно. Как нельзя сравнить друг с другом по степени прогресса искусство и религию, так нельзя сравнивать и разные типы науки, конституируемые различающимися факторами, о которых говорилось выше.

Несмотря на все успехи нашего знания, как научного, так и вообще любого, ограниченность наших когнитивных способностей предполагает также и незнание. Незнание может быть двух типов: 1) неизвестное в данный момент, но потенциально познаваемое; 2) непознаваемое совсем. Для чего-то у нас (пока) не хватает когнитивных сил и ресурсов, для чего-то требуются другие понятия, которые (пока) нами не выработаны, но есть и то, что никогда и ни при каких обстоятельствах не может быть познано. Более того, когда мы пытаемся охарактеризовать наше незнание через знание, мы наталкиваемся на парадоксы в духе парадоксального утверждения Дж.Э. Мура: «Идет дождь, но я в это не верю». Нельзя высказать утверждение о некотором конкретном факте и заявить, что мы не знаем этого факта, так как для того, чтобы такое утверждение высказать, требуется *знать* сам этот факт. То есть мы можем охарактеризовать наше незнание вообще, но не конкретно. По-другому обстоит дело с вопросами. Мы можем указать конкретные вопросы, на которые не можем (или даже никогда не сможем) дать ответа.

Если область знания может быть четко очерчена, то границы области незнания и ее содержание от нас ускользают и невозможно определить даже «размеры» этой области. Из этого Н. Решер выводит тезис о неопределимости Вселенной: из нашего когнитивного несовершенства следует, что Вселенная сама является непредсказуемой и будет оставаться непредсказуемой, пока существуют какие-либо разумные существа.

Такая эпистемология подкрепляется у Н. Решера концепцией метафизического реализма. Согласно этой концепции, вещи существуют независимо от познающих агентов, и вещи всегда превосходят любое наше знание о них. В противном случае мы не могли бы говорить о том, что наше знание может быть ошибочным. При этом метафизический реализм обладает определенными чертами консервативного идеализма. Принятие реализма определяется не полученными в ходе исследования свидетельствами, а самой возможностью реализации цели исследования. Если реализм ошибочен, то ни исследование природы, ни коммуникация в сообществе (так как для коммуникации нужен общий предмет обсуждения, который не может быть, например, убеждениями одного из участников коммуникации), по мнению Н. Решера, просто не могут начаться. То есть вопрос принятия метафизического реализма есть вопрос прагматический. Получается, что ценности и цели определяют природу вещей, и это в достаточной мере соответствует классическому идеализму. Такая разновидность метафизического реализма противопоставляется научному реализму, согласно которому содержание текущих научных теорий определяет то, какие вещи существуют и в каком виде. Научные теории могут быть верным описанием того, что есть, только в случае достижения стадии идеальной науки, но ранее Н. Решер показал, что либо этот уровень недостижим, либо мы не можем определить, достигла ли наука идеального состояния.

* * *

В целом, книга представляет собой весьма необычное издание, а позиция автора может быть охарактеризована как смесь традиций британского идеализма конца XIX – начала XX в. с американским прагматизмом. В силу своей простоты эта книга будет полезна широкому кругу читателей, которые интересуются начальными сведениями об эпистемологии. Правда, не все излагаемые в книге темы

являются обязательной частью современной эпистемологии, а ряд важных тем в ней совсем отсутствует. Кроме того, книга плохо вычитана, содержит много опечаток (в том числе в немногочисленных формулах) и повторов. При этом речь идет не только о повторах содержательного характера, порой имеет место дословное или почти дословное повторение целых предложений и даже абзацев. Возможно, это свидетельствует о том, что книга была написана в спешке, однако неясно, почему редактор и корректор не смогли исправить эти недостатки. С другой стороны, повторы постоянно напоминают о позиции автора, и поэтому содержание книги легко запоминается.

* * *

В заключение хотелось бы поблагодарить магистрантов А. Беха, А. Брильянтова, Д. Пигина, Л. Потапова и Д. Слепченко, с которыми на неформальных встречах мы прочли и обсудили эту книгу, а также коллег Д. Анкина и В. Сухареву, высказавших ценные замечания по данному обзору.

Литература

1. *Rescher N. Cognitive Economy: The Economic Dimension of the Theory of Knowledge.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1989. 178 p.
2. *Rescher N. Epistemology: An Introduction to the Theory of Knowledge.* N.Y.: State University of New York Press, 2003. 424 p.
3. *Rescher N. Methodological Pragmatism: A Systems-theoretic Approach to the Theory of Knowledge.* Oxford: Basil Blackwell, 1977. 315 p.
4. *Rescher N. Rationality: A Philosophical Inquiry into the Nature and the Rationale of Reason.* N.Y.: Oxford University Press, 1988. 245 p.
5. *Rescher N. Scientific Progress: A Philosophical Essay on the Economics of Research in Natural Science.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1978. 292 p.
6. *Rescher N. The Coherence Theory of Truth.* Oxford: Clarendon Press, 1973. 374 p.
7. *Rescher N. The Limits of Science.* Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1984. 280 p.

References

1. *Rescher, N. (1989). Cognitive Economy: The Economic Dimension of the Theory of Knowledge.* Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 178.

2. *Rescher, N.* (2003). *Epistemology: An Introduction to the Theory of Knowledge*. New York, State University of New York Press, 424.
3. *Rescher, N.* (1977). *Methodological Pragmatism: A Systems-theoretic Approach to the Theory of Knowledge*. Oxford, Basil Blackwell, 315.
4. *Rescher, N.* (1988). *Rationality: A Philosophical Inquiry into the Nature and the Rationale of Reason*. New York, Oxford University Press, 245.
5. *Rescher, N.* (1978). *Scientific Progress: A Philosophical Essay on the Economics of Research in Natural Science*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 292.
6. *Rescher, N.* (1973). *The Coherence Theory of Truth*. Oxford, Clarendon Press, 374.
7. *Rescher, N.* (1984). *The Limits of Science*. Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 280.

Информация об авторе

Ламберов Лев Дмитриевич – Уральский федеральный университет (620002, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51).
lev.lamberov@urfu.ru

Information about the autor

Lamberov, Lev Dmitrievich – Ural Federal University (620002, Russia, Yekaterinburg, 51, Lenina av.).

Дата поступления 20.09.2023